

Ф. Илин

СТРАННЫЕ ВСТРЕЧИ
славного мичмана
ЕГОРКИНА

Ф. Илин

**Странные встречи славного
мичмана Егоркина**

Серия «Морские истории и байки»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12053861

Странные встречи славного мичмана Егоркина: Горизонт; Москва;
2015

ISBN 978-5-9907215-0-0

Аннотация

А вы знаете, что жители нашего Заполярья чаще других оказываются в гуще фантастических и аномальных событий. Места у нас – вот такие – эдакие! Об этом и книга! Там и корабельный домовой принимает свое посильное участие, и Дед Мороз чинит свои сани в начале Новогоднего путешествия. А что делать, и в его окружении есть разгильдяи. И заброшенные радиоточки оживают. Когда рядом с Палычем ничего не случается, вот поди – докажи. Было или нет... да и кошмары такие реально ожидаемые. Историю можно подправить – так, самую малость, да и Хэллоуин можно гостям организовать – только вот бить сильно не надо. Вот такие приключения с нашими людьми бывают... Как говорят казаки – «Не любо – не слушай, а врать – не

мешай!» Рекомендовано для поднятия настроения и улучшения общего самочувствия.

Содержание

Егоркин и Корабельный	5
Морской клуб в гараже	6
Егоркин на старом корабле	11
Странная каюта со странными хозяевами	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ф. Илин

Странные встречи славного мичмана Егоркина

Егоркин и Корабельный

*...старик, моряк седой
он часто к морю приходил.
Где пенился прибой
Он мог сидеть и день и ночь
На камне у песка
И чайки не летели прочь,
Завидев старика*

(была такая песня, пели ее в радиопередаче для подростков «Клуб знаменитых капитанов» еще лет сорок назад, а автора никто уже не помнит)

Морской клуб в гараже

Наступал быстрый осенний вечер. На ясном небе загорались звезды, одна за одной, как окна в просыпающемся доме. Любопытная круглолицая сияющая луна беззастенчиво гляделась в темные воды залива, в котором отражались подмигивающие огни навигационных знаков, и прихорашивалась, любуясь широкой золотистой, как волосы юной блондинки, лунной дорожкой через всю гавань.

На севере, аккуратно ниже дремлющей Малой Медведицы, кто-то размотал зеленоватый шелковый шарф – Северное Сияние.

– Знать, к морозу! Только в мороз сияние поярче и красивее будет, с огнем! Недаром его поморы «сполохами» зовут и глаз оторвать не могут от этих волшебных огней! – протянул Коромыслин.

– Да нет, это не местная примета... Причина и следствие перепутаны! Сияние, сполохи, видно тогда, когда небо чистое, то есть – в зоне антициклона. Тогда одеяло туч и облаков уходит, тепло – на обогрев космоса, и приходят морозы – пояснил обстоятельный Бардин.

– Коромыслин! – рыкнул Петрюк – ты опять тень на плетень наводишь, а?

– Да у нас так всегда говорили! – огрызнулся тот.

– А самый хороший ответ – всегда так было, «а вот про-

шлый командир всегда разрешал!» – добавил в тон разговору Егоркин.

Ветер спешно тащил куда-то прочь с горизонта обрывки грязных облаков, уныло подвывая в проводах. А в нашем гараже было тепло,людно и все располагало к беседе старых знакомых.

Неспешная беседа свернула на морские легенды, приметы, суеверия... Обстановка располагала, да и программы телевидения этому способствовали. Подкидывали призраки старых тайн. Пошли в ход Огни Святого Эльма, Летучий Голландец, громадные фосфоресцирующие кракены, вдруг всплывавшие у борта корабля, ночные стуки морзянкой в борта подлодки на глубине, огни в каютах на давно заброшенных и обесточенных кораблях... б-р-р! Мороз по коже! Как раз – к ночи! Рассказы будоражили воображение, разыгравшееся до холодных мурашек. А сейчас еще Палыч кое-что вспомнил к теме и вдруг сказал:

– А дело было так – сказал Егоркин и замолчал, делая садистскую паузу.

– Слушайте, это уже стало нехорошей традицией! Просто-таки психиатрическим симптомом! – возмущенно проворчал доктор Рюмин.

Командир атомной лодки Бардин бросил в него куском замши, которой он старательно протирал стекло своей машины – заткнись, мол, пожалуйста!

Но об этом Палычу лучше было бы не напоминать! А то

будет еще хуже! Есть в жизни такие индивидуи, что... Да и привыкли к его выходкам давным-давно. А сейчас все поняли, что будет нечто интересное! Вот это – когда интересно, любили все, пусть его, даже если врет!

Слушатели внутренне напряглись и приготовились внимать очередному рассказу Александра Павловича. Над крышей завывал ветер, гремел где-то оторванным листом железа, бросая горсти ледяной крупы в стальную дверь.

А здесь было по-домашнему уютно. В печке весело потрескивали сосновые дрова, пахло хвоей и смолой. Слабый аромат березовых и дубовых веников, висящих в дальнем углу, над верстаком. Напоминал об ушедшем лете. Шум непогоды за стенами создавал особое, романтическое настроение, что еще больше располагало к мужской задушевной беседе.

Аккуратно в это время – ни раньше, ни позже – на столе весело забурлил, подпрыгивая от нетерпения, закипевший чайник и приглашающе щелкнул автоматическим выключателем. Заварка уже давно настаивалась возле печки: несколько сортов чая, плюс травы, плюс... Короче, какой-то «секретный» рецепт Егоркина, с которым он ни с кем не делился даже в состоянии веселого подпития. Знаем мы эти рецепты! Обычно это эвристическая смесь из всего того, что в данный момент есть под рукой. И это – как повезет – бывает очень удачно, а бывает и так себе! но зато загадочности и самомнения – хоть отбавляй!

Все присутствующие потянулись к своим стаканам и кружкам. В сахарнице был кусковой сахар. Как знаток и ценитель чая, Палыч предпочитал исключительно его, если было из чего выбирать. Иногда он умудрялся доставать даже колотый сахар, забытый ныне напрочь. Скажите, кто когда в последний раз его видел, формованный в особые белые конусы, сияющие, как ледяные горные вершины? Ну, то-то!

А Егоркин где-то брал, до последнего времени! Но это уже не для нас, а для гурманов из ближнего круга. На тарелочках теснились галеты и сушки, леденцы. Шла мирная беседа, завершающая долгий рабочий день.

Палыч был записным хозяином «кают-компаний», «мужского клуба», а попросту – помещения в задней части его здорового гаража, стилизованного под «морскую ностальгию». Её называют иногда «Стена плача», потому, что там собирают памятные, дорогие сердцу вещи.

В этой выгородке был настоящий бронзовый иллюминатор со старого корабля, с подсветкой (). А за его стеклом был виден пиратский бриг под полным ветром. Там же висели часы в форме штурвала, а вместо цифр были фотографии старинных друзей Егоркина. Подвешенная к потолку (здесь упрямо говорили: «к подволоку») маленькая, точеная из бронзовой болванки, рындочка с гравировкой «Палыч», вместо имени корабля, отбивала время заседаний. Впечатление дополняли картины с морскими пейзажами, раковины, фотографии кораблей и тому подобные атрибуты.

Народ, в смысле – друзья, соседи и знакомые Палыча, соби-
рался здесь частенько. Обстановка обычно располагала...

Этот клуб по интересам действовал уже который год! В
«клубе» хранились и продукты НЗ, и даже кое-какое спирт-
ное! А что – случаи бывают всякие, это даже каждый мо-
ряк-первогодок знает! А вот первогодков в этой компании
никогда, понятное дело, не бывало!

Егоркин на старом корабле

Отхлебнув целебного напитка, пахнущего летом и еще чем-то неуловимо-особенно-приятным, да еще – собственного приготовления, Егоркин продолжал: – Был я как-то давно, даже не помню точно – когда, в командировке в одном столичном городе, и пришлось мне остаться там еще на один день, сверх расчетного срока. Попробуй-ка, победи чиновников от флота с одного налета! Даже если высокоточным оружием? Это редкая удача, а она не всегда приходит!

Все согласно закивали – а как же, обычное дело!

Рассказчик продолжал: – Делать нечего, пошел я в поисках ночлега на корабль, где главным боцманом тогда служил мой старый знакомец, а, заодно и проведать приятеля, языки размять, былое вспомнить.

Корабль его уже получил статус «отстойного», был загнан на старый облезлый причал, и забыт там, и людьми, и самим Богом. Расспросив вахту, где находится нужный мне ветеран, через некоторое время я уже подошел к стальной громадине...

Вот и сам эсминец! Некогда красивый, с летящей архитектурой ажурных мачт и зорких антенн, теперь он возвышался над ржавыми секциями причала унылой серой глыбой, как гранитное надгробие в глубине кладбищенских аллей.

Славный Андреевский Военно-Морской флаг на нем был

уже давно торжественно спущен и передан в архив флота на вечное хранение.

Стальные, жирно смазанные швартовы намертво приковали его корпус к причалу, и, как от горькой стариковской обиды, по крутым скулам корабля, не переставая, текли слезы дождя и конденсата. Прямой ветер с моря старался их высушить. «Ничего, старик, не ты первый, не ты последний...» — завывал он в снастях свою заунывную песню. Но новые и новые слезы все текли и текли, скапливаясь в трещинах и раковинах старой шаровой краски на высоком борту.

Потрескавшаяся и отслаивающаяся краска напоминала воспалившиеся былые шрамы ветерана. Обтянутые концы тяжело стонали в такт гуляющей волне и где-то внутри слышались протяжные вздохи и болезненные скрипы потрепанных кранцев.

«Поди, узнай!» — подумал я, — «шпангоуты ли потрескивают, или душа корабля стонет?». Да, смотрел я на него, и глаза мои тоже слезились. Наверное, от резкого ветра...

Палубное освещение скромно подсвечивало лишь отдельные наиболее важные места на последней стоянке. В глазницах иллюминаторов многих помещений света совсем не было, и, видимо, уже давно они были нежилыми. Общее ощущение, дополненное разгулявшимся воображением было такое, что я зябко передернул плечами. Нет, не от холода, а от того, что мне показалось, как будто по умирающему кораблю мимо меня прошло что-то неведомое и жутковатое, как

призрак, как живая тень.

А я ведь помнил этот корабль, когда он еще только пришел после ходовых испытаний на наш флот, франтовато блестя заводской краской, горделиво смотрясь в свое отражение в водах залива.

Любознательные молодые офицеры восторженно обсуждали его характеристики, завидуя тем своим сокурсникам, которые на нем служили! Там было все самое новое, самое интересное! Да, было и такое время!

Эх, разве мог так выглядеть всего каких-то год-два назад этот заслуженный, славный и далеко еще не такой уж и старый корабль? Но – время, но – старость... Да и ситуация в стране тоже – не подарок! У нас за все политические вывихи первым флот страдает. Вот, помните...

– Палыч! Вернись на фарватер! – строго, почти дружным хором, заметили слушатели. Водилось за Егоркиным такое – он иногда увлекался вдруг! А уж тогда сносило его в сторону от сюжета, только держи!

– Однако, отметил я, – продолжал заслуженный старший мичман, пропустив возмущенные вопли слушателей мимо ушей – служба на нем была организована как надо. Палуба сверкала чистотой, все кранцы были заботливо оплетены старыми пеньковыми концами, медь и бронза надраены до зеркального запредельного блеска. На туго обтянутых концах, идущих на берег – большие круги «крысотбойников», скалящихся зверскими тигриными мордами на потенциаль-

ных хвостатых незваных гостей. Считается, что крысы, эти вездесущие разбойники их боятся. Да и физически эти широкие жестяные круги грызуну преодолеть не так-то просто! Нынешние боцмана ими беспечно пренебрегают. Зря!

Все это – морская культура, вьевшаяся в плоть и кровь боцмана старой закалки! Вот это традиции, которые насаждались им в своих молодых моряков всеми доступными методами... Уж как умел главный боцман Сергей Семеныч Свайкин! Фамилия обязывала!

Зачищенные и тщательно засуриченные участки на борту и надстройках выглядели как аккуратная штопка на стареньком костюме обедневшего пенсионера, изо всех сил старающегося выглядеть достойно.

Вахтенный матрос меня встретил, представился, а потом позвонил моему приятелю, оказавшемуся, на мою удачу, на борту в этот вечер. Он вышел на ют встретить меня. Я заметил какой-то смутный блик у кнехтов и кормового шпиля. Боцман тут же, по-хозяйски, осмотрел швартовы, вызвал кого-то и сделал тому внушительную выволочку – отчитал за то, что стальной «палец» на киповой планке отсутствовал, да и палубный ключ валялся бесхозно. Непорядок!

Матросы резво кинулись устранять замечания. Видно было, что они ни капли не сомневались, что эта работа будет проверена, а мера воздействия могла быть и не такой мягкой...

– Закрепить тросиком или цепочкой! – рявкнул им вослед

Семеныч. Но те уже исполняли – знает кошка, чье мясо съела! Бойцы всегда понимают, что надо делать, но всегда проверяют свое начальство – то на уровень компетентности, то на срабатывание порога терпения! Какой кусок лени им простят, а за какой звездюлей вместо катафотов навешают? Ни один начальник не может потребовать с подчиненных больше, чем сам знает и умеет!

– Как ты в такой темени разглядел, что пальца-то нет? – удивленно спросил я его, на что тот загадочно и смущенно хмыкнул:

– Да мне тут подсказали!

Мы прошли к нему в каюту, сели, поговорили о том, о сём. Неспешно, ворчливо, оба пожаловались друг другу на жизнь и превратности судьбы, ругнули с садизмом каждый свое начальство и, тем не менее, похвастались кое-какими достижениями. Поужинали прямо в каюте, по позднему вечеру, «чем Бог послал».

В этот раз «посылка от Бога», пусть и не обильна, но зато была очень добротной и основательной – тушенка, сало, рыба копченая. Конечно, «клюнули» за встречу по «семь грамм», такую закуску просто грех поесть помимо водки.

Но время уже было совсем позднее, а завтра у нас у обоих предстоял очень насыщенный день. Нет, ей-богу, не вру! По «ниточке» натуральной водки и – никакого шила! – исто-во побожился Палыч. Видно он увидел во взглядах слушателей искреннее недоверие и обоснованное сомнение. Как вы

уже заметили, Палыч-сан – вовсе не дурак хорошо, со вкусом и вволю, поесть. Да и выпить – ежели можно и не во грех. Но это у тех, кто служил на флоте – «национальная черта». Спросите любого!

Странная каюта со странными хозяевами

Друг определил меня на ночлег в одну из пустующих кают, их теперь на корабле хватало. Вызванный им молодой «боцманенок» получил ключи и провел меня по коридорам прямо к двери. Тогда начались странности, которые я потом оценил по-другому. Ну, слушайте, и вы сейчас тоже кое-что поймете!

Перво-наперво, вставляя ключ в замочную скважину, незадачливый «боец» уронил всю связку. Да так удачно, что ты! Она провалилась куда-то под глухой кожух какой-то трубы, шедшей по самой палубе ниже комингса двери каюты. Попытка поднять этот кожух не удалась, удивлению раздольная. Эта конструкция оказалась прикрученной на все винты, была слегка помята, что затрудняло работу по выкручиванию крепежа. Зато ключи, в результате всех стараний, провалились куда-то еще глубже и напроочь скрылись из виду.

«Вот черт безрукий!» – подумал я, внутренне закипая. Дать бы ему по ушам – для просветления мозга! Но – сдержался! «Пароход» не мой, «бойцы» – тоже, а воспитанный гость должен быть снисходителен к оплошностям хозяев – если сможет, ходя бы внешне! Иначе... Демонстрация «понтов» никогда еще не улучшала взаимоотношений! Кстати, действует это как-то примиряюще и успокаивающе по отно-

шению к судьбе – не мне, мол, одному балбесы косорукие достались, корешу-то повезло еще больше!

Дальше стало еще интереснее: – боец исчез и быстро вернулся с другим матросом, тащившим за собой «переноску», видимо, для подсветки, потому, что в целях экономии ламп, в коридорах было темновато. Они прихватили с собой и мощную отвертку, размером с римский меч средней величины. Один из них стал откручивать винты, другой, шипя и ругаясь, наконец-то, нашел на переборке разъем и сунул туда штекер «переноски». Переноска ярко, но очень коротко вспыхнула, громко сказала «бац!» и погасла, обиженно блеснув напоследок закопченным изнутри плафоном. Выругавшись себе под нос, он поставил второй эксперимент – лампа опять сказала «бац». Бесов экспериментатор только теперь снизошел до изучения номиналов на лампе и разъеме. Ага, дошло! Как и стоило полагать, балбес подключил 24-х-вольтовую лампу к 127-вольтовой сети и теперь искал виноватых в этом! Я внутренне аж даже застонал, но все-таки терпел из последних сил! Сжимая кулаки в кармане куртки, я шепотом проговаривал весь свой швартовочный словарный запас. Чтобы, значит, не забыть!

Оба бойца стали переругиваться, обвиняя друг друга во всех грехах, и ища причины неудач один в другом. Откуда-то из сумрака появился третий, несший «интеграл», такой особый крюк, для извлечения всяких интересных вещей из не предназначенных для них мест.

Вслед за ним появился еще один воин, чуть постарше прежней публики, в чистеньком комбинезоне, с небольшой сумкой инструментов.

– Мичман хренов! – сказал он без предисловий. Ни фиги себе! Я аж поперхнулся от такой наглости. Это за что он меня так!?

– Чего?! Да ты... да я тебя... Ну, держись! – я уже было примерился сгрести его за воротник левой, а правой... Но он быстро пояснил: – Я, Олег Александрович Хренов, мичман. Старшина команды трюмных! Пришел посмотреть, чего здесь у вас происходит?

– Ну-у, извини, а я уже было... не так, видно, понял! Мичман Егоркин я, Александр Павлович, для друзей – Палыч-сан! А у тебя...

– Да бывает...

– Хорошо ещё, что – мичман, а представь, если бы ты кому из адмиралов такое – что он, например – адмирал хренов! Вот эффект-то бы был! – пошутил я в тему.

Тем временем хозяин крюка-«интеграла» примерился, просунул его в щель и с победным криком зацепил связку ключей. В ту же секунду раздался еще один победный крик: – боцманенок открутил восьмой и последний винт кожуха и открыл его, явив зрителям связку ключей, надетую на крюк интеграла, и кучу多月месячной пыли и мелкого мусора. Вовремя! И опять все стали ругаться!

«Как это по-нашенски!» – восхитился я. Это же надо – хорошо сделать большую и трудоемкую работу к тому самому моменту, когда она уже никому не нужна – прямо закон какой-то! И вот уже сам не выдержал! И выдал все словесные характеристики, которые они заслужили! Накипело! Мичман Хренов аж покраснел от стыда за своих подчиненных. «Ничего, это полезно!» – подумал я, у него еще долгая служба впереди!

Предоставив возможность мичману и его матросам (с позволения сказать – хмыкнул Коромыслин) самим все вернуть в «исходное», а, заодно уж и прибраться, избавившись от залежей пыли в этом укромном месте. Отобрав у них ключ, сам открыл замок и включил освещение.

Я удивился порядку в пустующей каюте – было чистенько, тепло и сухо. Напрочь отсутствовал специфический запах сырости и затхлости, который бывает в нежилых, покинутых помещениях. На полках стояли книги, у умывальника – свежее полотенце, мыльница с нетронутым кусочком туалетного мыла. Койки были аккуратно и туго застелены чистым глаженным бельем и светло-синими форменными одеялами.

Бросив на верхнюю койку портфель с пожитками и бумагами, быстро разделся, умылся прохладной водой и уютно устроился под одеялом.

Я включил прикоечный светильник и начал читать книгу, купленную где-то в вокзальном киоске. Обстановка была

привычная, где-то гудел вспомогательный котел, уютно шумели вентиляторы, гнали по системам теплый воздух, обогревая пустую утробу корабля. Поскрипывали и постанывали шпангоуты, слышался тихий плеск волн. Было привычно и даже – уютно. Сама собой, книга упала на грудь, я получил легкую контузию, потерял сознание... и задремал, сам не заметив, как и погрузился в глубокий сон.

В рассказе наметился перерыв, и вы не поверите – черт знает, откуда, но в ассортименте застолья вдруг появилась водка – просто сама собой. Никто не мог объяснить ее происхождение!

Коромыслин ехидно усмехнулся: – Ну ты посмотри, да! Моя мне сказала, что раз к Егоркину пошел – значит, наберешься! Вот шаманка! Всё наперед знает!

– А моя – тут же парировал укол Палыч-сан, – мне сказала, что раз Коромыслин к тебе придет, то опять тебя споит! Наверное, на кофейной гуще гадала!

Все скромно промолчали – накануне решили, что, мол, не пьем! Ни-ни! Что ты!!! А тут, следом, прямо из ниоткуда, на клеенчатой скатерти в ярких маках, материализовалась и закуска – или из НЗ, или кто-то принес из своих гаражей. Как там? Помните? Ну, как же?!

«Ну а выпить без закуски – это, братцы, не по-русски!». Замечание, кстати, по существу!

Клим Гордин несмело предложил, напуганный напомина-

нием о жене: – Может быть, того, пузырь-то на потом оставим?

В «клубе» наступила тишина. Все уничтожающе посмотрели на майора.

– Тебе можем и не наливать! – саркастически проскрипел аксакал Бардин.

Напиток разлили по стаканчикам, (эти пластиковые провокаторы всегда были на видном месте). Начислили и Гордину – чай, не совсем. Чтобы садисты!

Выпили за флот, за дам, за тех, кому сегодня повезло быть в море – следовательно, за флот. Закусили.

Бардин вдруг спохватился, что домой собирался-то ехать на машине, да только раздосадовано сплюнул. – Ну всё, пойду пешком!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.